Кара Инь

Александра.

Наследница магии.

Кара Инь

Александра. Наследница магии.

«Автор»
2026

Инь К.

Александра. Наследница магии. / К. Инь — «Автор», 2026

Александра никогда не подозревала, насколько необычна история её рода. Но однажды прошлое начинает заявлять о себе, и героине предстоит узнать, кем были её предки и какую роль ей самой суждено сыграть в этой истории.Постепенно граница между реальностью и мистическим становится всё тоньше. Родовые загадки переплетаются с магией, судьба — с выбором, а случайные совпадения приобретают особый смысл.«Александра. Наследница магии» — история о силе женского рода, памяти предков, поиске собственной идентичности и тайнах, которые способны изменить настоящее.Иногда магию не нужно искать. Нужно лишь вспомнить, что она всегда была частью тебя.

© Инь К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дочь двух миров. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Кара Инь
Александра. Наследница магии.

Глава 1. Дочь двух миров.

Зима девяносто девятого года стояла над северными губерниями такая, какой старики не помнили. С Валдайской возвышенности шли ветры, и казалось, что сама земля, укрытая в белое, затаила дыхание и прислушивается к чему-то, что не слышно людскому уху. В ту ночь метель замела дороги к старой усадьбе Заозерье, и дом, стоявший на холме над замёрзшим озером, остался один на один с темнотой, словно корабль, отплывший от берегов привычного мира.

В большой угловой комнате второго этажа горела единственная лампа под зелёным абажуром, и тень от неё лежала на стене, как склонённая голова. Елена не кричала. Она лежала, сжимая в руке край простыни, и смотрела в потолок, где от дыхания плясали слабые отсветы, и в её тёмных глазах было не страдание, а какое-то напряжённое, почти торжественное ожидание.

— Ещё немного, барышня, ещё чуть-чуть, — шептала повитуха Агафья, худая, сухая старуха с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба. — Она сама знает, когда ей приходить. Не торопите её. Те, кто идёт издалека, не любят, чтобы их подгоняли.

— Издалека? — тихо спросила Елена.

— Издалека, — повторила Агафья, и руки её, спокойные и уверенные, не дрогнули. — Я приняла на свет без малого тысячу душ, моя голубка. Но так, как сегодня, воздух не звенел ни разу.

Это была правда. Воздух в комнате в самом деле звенел, едва уловимо, как звенит натянутая струна, к которой ещё не прикоснулись пальцами. Елена чувствовала этот звон всем телом. Он поднимался от пола, от старых половиц, помнивших шаги многих поколений, струился по стенам и собирался где-то над её головой в тонкий серебристый столб, видимый только тем, кто умел смотреть не глазами, а сердцем.

Она умела. С детства умела, хотя долго не знала, что это умение и есть её древнее наследие.

Елена думала о том, что в эту минуту решается не только судьба того крохотного существа, которое вот-вот явится в мир, но и нечто бóльшее, чему она пока не находила имени. Она знала с первых недель беременности, что носит под сердцем не обычное дитя. Ночами ей снились тропы, уходящие в туман, и женщины в длинных одеждах, стоявшие вдоль них, как стражи. Женщины молча смотрели на неё и кланялись, и от этих поклонов у Елены холодело в груди. Так кланяются не просто матери. Так кланяются тому, что она несёт.

— Александр, — прошептала она в темноту. — Где ты сейчас?

Ответа не было. Муж её не мог быть рядом, потому что в ту самую ночь, когда начались роды, ему надлежало быть совсем в другом месте, в городе, на тайном совете людей, объединённых общим служением. Он ушёл накануне вечером, поцеловав её лоб долгим поцелуем, в котором было прощание, о котором она не позволила себе подумать.

«Береги дитя, что бы ни случилось, — сказал он у порога. — Всё остальное можно потерять и снова обрести. Её потерять нельзя».

Тогда она кивнула. Теперь, лёжа в полусвете лампы, она понимала, что он знал больше, чем сказал.

Мысль её скользнула дальше, в глубину времён. Елена вспомнила рассказы бабки, старой княжны, умершей, когда внучке было двенадцать лет. Та говорила, что в роду их, по женской линии, из века в век передавалась тайна, которую нельзя записать на бумаге, а можно только

пронести через сердце. Тайна эта заключалась в том, что мир не един. Есть мир, который люди называют настоящим, мир дорог, хлеба, денег и рук. И есть другой мир, тонкий и огромный, в котором живут мысли, чувства и образы, живут до того, как воплотятся в вещах. Тот, кто способен жить в обоих мирах сразу, называется Мостом.

«Не всякому дано быть Мостом, — говорила бабка. — Это тяжело, девочка. Тот, кто стоит над пропастью между мирами, чувствует боль обоих берегов. Но если Мост рухнет, оба берега останутся без связи, и люди забудут, что за видимым есть невидимое, а за невидимым есть замысел».

Тогда Елена не поняла. Теперь, на пороге материнства, она начинала понимать.

Свет лампы вдруг дрогнул, хотя ни одно окно не было открыто. Агафья подняла голову и быстро перекрестилась, а затем сделала другой знак, древний, которому никто в церкви не учил.

— Сейчас, — произнесла она негромко. — Дышите, барышня. Дышите так, как дышит озеро подо льдом, глубоко и ровно.

Елена закрыла глаза и услышала то, чего не слышала никогда. Сначала это был один звук, чистый и высокий, потом к нему присоединился второй, низкий, как гул далёкого колокола, потом третий, и все они сплелись в единую мелодию, которой не было названия на земных языках. Мелодия поднималась, ширилась, заполняла комнату, дом, холм, озеро, всю ночь. Елене показалось, что стены раздвинулись, что потолок исчез, и над ней открылось небо, не то, зимнее и облачное, а другое, бездонное, в котором медленно кружились огненные цветы.

И она увидела. Не воображением, а тем внутренним зрением, о котором шептали женщины её рода. Увидела две реки света, текущие навстречу друг другу. Одна была золотая, тёплая, как закатное солнце, и в ней угадывались силуэты людей, коней, храмов, полей. Другая была серебряная, холодная и прозрачная, как лунный свет на воде, и в ней дышали тени тех, кого уже нет, и тех, кого ещё нет. Реки сближались, и в точке, где они должны были слиться, пульсировала маленькая яркая звезда.

«Вот она, — подумала Елена. — Вот кого ждали».

В ту же секунду комната наполнилась криком, тонким, пронзительным, полным жизни. Крик ударил в замершую ночь, как первый удар колокола в предрассветном храме, и Елена почувствовала, как нечто огромное, ожидавшее у границы миров, сделало шаг вперёд.

— Девочка, — выдохнула Агафья, и голос её дрогнул впервые за много лет. — Господи Иисусе, девочка...

Она держала на руках крошечное существо, красное, сморщенное, сердито кричавшее, и смотрела на него так, будто в её ладонях лежало не человеческое дитя, а раскрытая книга, на страницах которой было написано нечто слишком великое для чтения.

— Дайте мне её, — прошептала Елена.

Агафья, обернув младенца в тёплую пелёнку, осторожно положила его на грудь матери. Девочка перестала кричать почти сразу. Она открыла глаза, мутные, как у всех новорождённых, и странно спокойные, и посмотрела прямо в лицо Елене. В этом взгляде не было детской растерянности. В нём было узнавание.

Елена заплакала. Слёзы текли по её вискам, затекали в волосы, и она не вытирала их, потому что руки её обнимали самое драгоценное, что у неё было и что ей, быть может, суждено потерять.

— Здравствуй, — сказала она тихо. — Здравствуй, моя родная. Я ждала тебя. Мы все тебя ждали.

Девочка шевельнула крошечной рукой, и пальцы её сжали прядь материнских волос с неожиданной силой.

— Вы глядите, — прошептала Агафья и склонилась ближе. — Глядите, на что она так смотрит.

Елена перевела взгляд. Над кроваткой, стоявшей у окна, там, где до сих пор не было ничего, кроме лунного света, пробивавшегося сквозь метельную мглу, медленно сгущалось свечение. Оно не было ни золотым, ни серебряным. Оно было и тем и другим, переплетённым, как две нити в одной пряже. Свечение становилось плотнее и принимало форму: сначала тонкую женскую фигуру в длинных одеждах, потом другую, и ещё одну, и ещё. Они стояли вдоль стены безмолвным кругом, как стояли в её снах, и склонялись над колыбелью.

Агафья опустилась на колени, прямо на холодные половицы.

— Пришли, — произнесла она одними губами. — Все пришли. Хранительницы рода встали у порога. Господи, сколько веков они ждали этой ночи...

Елена не испугалась. Страх остался где-то далеко, за стенами дома, за метелью, за озером. Здесь, в этом круге света, было только огромное, спокойное, всеобъемлющее присутствие, как бывает в храме в минуту литургии, когда время останавливается и вечность касается земли.

Одна из фигур приблизилась. Лица её нельзя было различить, оно оставалось озарённым, словно тонкая вуаль света скрывала черты. Но Елена почувствовала на себе её взгляд, строгий и бесконечно нежный.

«Береги её, — прозвучал голос, не в ушах, а прямо в сердце, ясный, как родниковая вода. — Береги, пока можешь. Придёт время, когда ты уже не сможешь. И тогда она пойдёт одна. Но пойдёт не одинокой, ибо за её спиной будем мы».

— Как её имя? — спросила Елена беззвучно, одним движением мысли. — Каким именем мне назвать её?

И голос ответил, и имя прозвучало в тишине, как звон хрусталя:

«Александра. Защитница людей. Та, кто станет мостом между мирами».

Видение дрогнуло и начало таять. Фигуры бледнели одна за другой, свечение сжималось в точку, и вот уже снова был виден только лунный свет в окне да зелёная лампа на столе. Но воздух ещё долго хранил высокую тишину, и даже Агафья не решалась нарушить её словом.

За окном перестал дуть ветер. Метель, мотавшая белые полотна над озером, улеглась так внезапно, будто кто-то невидимый поднял руку и сказал: довольно. На востоке, над чёрной линией дальнего леса, обозначилась первая, едва заметная полоска рассвета, бледно-розовая, как внутренность раковины.

Елена смотрела на спящую дочь и думала: «Дочь двух миров. Дочь того, что видят и того, чего не видят. Что же ждёт тебя, моя маленькая?»

И, словно отвечая, где-то в глубине дома тихо пробили часы. Один удар. Второй. Третий. Все они прозвучали так чисто и торжественно, как не звучали никогда.

Агафья поднялась с колен, отряхнула подол и, встретив взгляд Елены, произнесла то, что не решилась бы сказать никому, кроме неё:

— Берегите её, барышня. Если даже ночь расступается перед ней, значит, не только друзья будут искать её. Вы сами знаете, кто ещё слышит такие звоны.

Елена медленно кивнула и крепче прижала к себе дочь. Она знала. Те, кто служат Свету, слышат рождение звезды и склоняются перед ней. Те, кто служат Тени, слышат его тоже, и тогда они выходят на охоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.